

другая область знания) имеет дело лишь с современностью, а претендует на то, чтобы иметь дело с прошлым.

Возвращаясь к проблеме, заявленной Ж.Деррида, следует сказать, что наиболее интересна, поэтому история идей и понятий, поскольку именно анализ языковых структур может помочь нам понять образ мышления людей прошлого, что намного более важно, чем абстрактный анализ политических отношений. Дело даже не в том, что всякое историческое исследование довольствуется посредником (в лучшем случае, письменным источником), который, несомненно, искажает первоначальный смысл, и не в том, что мы никогда полностью не узнаем бесписьменной культуры (каковой была, например, русская народная культура). Все попытки изучения русской народной культуры по записям устного народного творчества, изучению быта и т.п. подобны попыткам восстановить Александрийскую библиотеку или исследовать бесписьменную философию Сократа на основании диалогов Платона. Реальная проблема заключается в том, что, даже имея под рукой богатейший архивный материал, мы не можем доподлинно быть уверены в том, что понимаем смысл написанного, так как не знаем (и вряд ли узнаем) психологию, систему ценностей, сознание и жизненный мир того человека, который написал этот текст. Иными словами, мы вряд ли сможем вписать имеющиеся у нас факты в действительный контекст сознания человека прошлого. Историк вряд ли сможет увидеть за музейным экспонатом руку хозяина.

1. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.1. М., 1997. С.162-163.
2. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. М., 1992. С.16-17.
3. Рикёр П. Время и рассказ. Конфигурации в вымышленном рассказе. Т.2. М.; СПб, 2000. С.14.
4. Ольшанский Д.А. Постиндустриальная социальность и современная политика диалога // Социальная политика социального государства. Материалы конференции 4-6 октября 2001. Нижний Новгород, 2002. С.160-163.
5. Derrida J. La Difference // Theorie d'ensemble. Paris, 1968. P.67.

Павлов И.В.

«Рабочий вопрос» на Нижнетагильском металлургическом заводе (НТМЗ) во второй половине XIX в.

Отмена крепостного права в 1861 г. повлекла за собой серьезные сдвиги в Российском законодательстве. На одно из основных мест после реформы вышел так называемый «рабочий вопрос», требовавший урегулирования отношений заводовладельцев и работников наемного труда. Существенные пробелы в законах приводили к тому, что собственники предприятий самостоятельно решали все вопросы, связанные с распорядком работ, условиями труда и его оплаты. К тому же вторая половина XIX в. была ознаменована чередой кризисов уральской горнозаводской

промышленности, что не могло не сказаться на положении рабочих. Рост и падение производства имели прямое влияние на все стороны жизни работников. Так, в 90-е годы XIX в. на НТМЗ произошло резкое сокращение численности вспомогательного персонала. И если в 1890 г. количество работников составляла 2058 человек (1), то к 1895 г. оно снизилось до 1750 человек (2), а к 1897 г. – до 1482 человек (3). Однако спада производства на заводе не произошло, объемы выплавки чугуна возросли почти в 2 раза (с 748 тыс. пудов в 1890 году (4) до 1264 тыс. пудов в 1895 г. (5)).

Это объяснялось стремлением Управления Нижнетагильского округа снизить затраты на заработную плату вспомогательному составу и в то же время увеличить оплату труда высококвалифицированным кадрам. Динамику роста заработной платы можно проследить по следующим данным (оплата за смену, в коп.)*:

Годы	МАСТЕР	ПОДМАСТЕРЬЕ	РАБОТНИК
1862 - 1863	19	15	12
1864 – 1874	50	45	40
1875 – 1885	60	50	45
1886 - 1890	75	65	55
1891 – 1895	80	75	65
1896 - 1900	90 - 120	80	75

* Составлено по: ГАСО Ф. 643. Оп. 1. Д. 188. Л. 50, Д. 2009. Л. 79, 89,79, Оп. 2. Д. 1177. Л. 123, Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период доомонополистического капитализма. 1861 – 1900 гг. М., 1985. С. 201, Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 220.

Однако рост инфляции поглощал практически все прибавки к заработной плате.

Оставался ряд нерешенных вопросов, зачастую приводивших к существенному ужесточению дисциплины на демидовских заводах. Так, например, в начале 1870-х гг. в НТМЗ были введены «расчётные книжки», в которых отмечались все «провинности» рабочего и штрафы, назначенные руководством (6). В ответ на введение «расчетных книжек» в 1874 г. на заводе прошла стачка, правительство выступило посредником между управлением и рабочими (7). Результатом этого явилось изъятие штрафной инструкции из книжек (8). Недовольство рабочих, связанное с произволом на предприятиях, вынудило правительство России принять ряд законов, призванных в какой-то степени разрешить назревшие противоречия (9 марта 1892 г. правительством был издан закон «О надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах ... и о найме рабочих на эти заводы ...», 2 июня 1897 г. – закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности») (9).

Важное место во второй половине XIX в. заняла проблема применения детского труда. Дети – работники были одной из самых слабо защи-

щенных категорий. Непосильный труд, низкая заработная плата, несоблюдение элементарных санитарных норм, приводили к ранней потере здоровья. Г.В.Калугина отмечала, что «эксплуатация детей и подростков была жестокой. На Нижнетагильском заводе подрядчики днем заставляли мальчиков просеивать сквозь сито песок, вечером держать зажженные лучины, освещая место работы литейщиков. Часто дети обжигались при выплеске жидкого чугуна из ковша» (10). Поэтому в следствие давления рабочего движения 1882 и 1885 годах был принят ряд новых статей в Уставе о промышленности, в которых применение детского труда ограничивалось рядом норм. Так, работа детей, не достигших 12-летнего возраста, строго воспрещалась (ст. 108) (11). « Малолетние в возрасте от 12 до 15 лет не могут быть занимаемы работою более 8 часов в сутки, не включая времени потребного на завтрак, обед, ужин, посещение школы и на отдых». Работа подростков не должна была продолжаться более 4 часов без перерыва (ст. 109) (12). Работа в ночное время не поощрялось: «малолетние, имеющие менее 15 лет отроду не могут быть занимаемы работою между 9 часами вечера и 5 часами утра, а так же в воскресные, праздничные и высокотожественные дни» (ст. 110) (13). На НТМЗ малолетние работники (от 12 до 15 лет) составляли до 10% от общего количества заводских рабочих. В 1882 г. Департамент Торговли и Мануфактуры прислал запрос в Управление Нижнетагильского округа о мерах, принятых по решению «детского вопроса». В отчете заводской конторы отмечалось, что «малолетних рабочих обоого пола до 10 лет в работах не находится; до 12 лет – 5 человек; подростков обоого пола от 12 до 15 лет – 107 человек» (14). Работа детей начиналась в 6 утра и заканчивалась в 7 часов вечера. На обед и отдых отводилось 2 часа. Для подростков полагался дополнительно 1 час на посещение школы грамотности, которая содержалась на средства завода. В ночное время детский труд не применялся, так как «в участии малолетних и подростков особенной необходимости не имелось» (15). Заработная плата детей в среднем составляла 15 – 25 коп. в день. Выдавалась два раза в месяц (16). Однако в записке заводской конторы в Главное Управление Нижнетагильского округа отмечалось, что «произведенные меры скажутся отрицательно на экономическом состоянии завода, т.к. заработная плата у детей должна быть уменьшена», вследствие сокращения рабочего времени (17).

Положение рабочих на НТМЗ за вторую половину XIX в. существенно не изменилось. Медленные темпы оформления рабочего законодательства не отвечали растущим потребностям рабочих, что в начале XX века привело Россию к революционным потрясениям.

1. Кулибин С. Сборник статистических сведений горнозаводской промышленности России в 1890 году. СПб., 1892. С.149.

2. Лоранский А. Сборник статистических сведений горнозаводской промышленности России в 1895 году. СПб., 1897. С.207.

3. Лоранский А. Сборник статистических сведений горнозаводской промышленности России в 1897 году. СПб., 1899. С.211.
4. Кулибин С. Указ. соч. С.180-181.
5. Лоранский А. Сборник статистических сведений горнозаводской промышленности России в 1895 году. СПб., 1897. С. 248-249.
6. Яровой Ю. Е. Тагильский металл. Свердловск, 1979. С. 159.
7. Из истории Урала (сборник документов и материалов). Свердловск, 1971. С.222.
8. Яровой Ю.Е. Указ. соч. С. 160.
9. Свод законов Российской империи. СПб., 1913. Т. 11. Ч. 2. Устав о промышленности. С. 18-19.
10. Калугина Г.В. Условия труда рабочих горнозаводской промышленности Урала конца XIX - начала XX вв. // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861-1917 гг.). Свердловск, 1990. С. 18.
11. Свод законов Российской империи. СПб.,1893. Т. 11. Ч. 2. Устав о промышленности. С. 33.
12. Там же. С. 33.
13. Там же. С. 34.
14. ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 1314. Л. 210.
15. Там же. Л. 211.
16. Там же. Л. 211-213.
17. Там же. Л. 208.

Пересторонина Л.И.

Питание горожан Урала в годы продовольственного кризиса (1919 – 1922 гг.)

Начиная с 1919 г. Отдел статистики потребления и распределения ЦСУ не менее двух раз в течение каждого сельскохозяйственного года проводил выборочные обследования питания городского населения страны. Опубликованные итоги выборочных обследований позволяют охарактеризовать формы, структуру, общий уровень питания горожан Урала в годы продовольственного кризиса (1919-1922) и степень его соответствия физиологическим нормам (1). Следует подчеркнуть, что из-за недостатка средств обследованиями были охвачены только губернские города (на Урале: Екатеринбург, Пермь, Челябинск, Уфа), продовольственное обеспечение которых существенно отличалось от уездных городов и поселков городского типа. Поэтому выводы о состоянии питания населения губернских городов нельзя распространять на все городское население и тем более на население уездных городов Челябинской, Уфимской, Пермской губерний, охваченных голодом в 1921 - 1922 гг.

Несмотря на социально-экономические особенности обследованных городов, характерным для всех было абсолютное преобладание домашне-семейной формы питания. Так, в декабре 1919 г. столовались вне дома (в общественных столовых на службе в школах) в Екатеринбурге -3,1%, в Перми - 8,0% в Уфе - 2,2% семей (2). Преобладание этой формы питания сохранилось и в голодные 1921 – 1922 гг., когда, значительно увеличилось посещение общественных столовых и питательных пунктов. Обследование, проведенной в сентябре 1921 г. показывает, что "пищей со сто-